

эзии. СПб., 1994, и др.). Дневниковые записи Г. 1970-х легли в основу мемуарной повести **«Мой мальчик, это я: Записки по вечерам»** (Наш современник. 1994. № 6, 7). В 1995 СП России присудил Г. премию им. И. Бунина. В 1999 посмертно издана книга Г. **«Слово лешему»**, завершенная писателем при жизни и объединившая его деревенские очерки последних лет.

Соч.: Повести и рассказы. Л., 1976; Избранное. Л., 1981; Родословная. Водопад. Запонец. Излука. Тридцать лет спустя. Л., 1983; Избранное. Л., 1988; Гора и берег. М., 1989.

Лит.: Кардин В. Верность времени. М., 1962. С. 327–330, 343–344; Мессер Р. Идущие вослед: Лит. портреты. Л., 1979. С. 121–150; Воронин С. Время итогов. М., 1978. С. 172–177, 217–222; Петровский Ю. На дорогах жизни: К 50-летию Г. Горышина // Звезда. 1981. № 3; Иванова Т. Круг чтения. М., 1988. С. 67–81; Рошин Б. Встречи. Л., 1985. С. 194–277; Кузьмичев И. С., Цурикова Г. М. Контрасты осязаемого времени: Портреты, размышления. Л., 1988. С. 67–81; Лавров В. Формула творчества: Книги о жизни и искусстве в совр. лит-ре. Л., 1989. С. 26–29; Кузьмичев И. С. Мечтатели и странники: Лит. портреты. Л., 1992. С. 254–272; Памяти Глеба Горышина // Аврора. 1998. № 3–6. С. 5–14; Панченко А. М. Памяти Г. А. Горышина // Русская лит-ра. 1998. № 3. С. 287–288; Цветов Г. Жалко до слез... О книге Глеба Горышина «Слово лешему» // Нева. 2000. № 4. С. 216–223; Русские советские писатели-прозаики: биобиблиография. Т. 7 [доп.]. Ч. 1. М., 1971.

А. Г. Гродецкая

ГОРЬКИЙ Максим (настоящее имя Алексей Максимович Пешков) [16(28).3.1868, Нижний Новгород — 18.6.1936, Горки-10, Московской обл.] — писатель, драматург, публицист, общественный деятель.

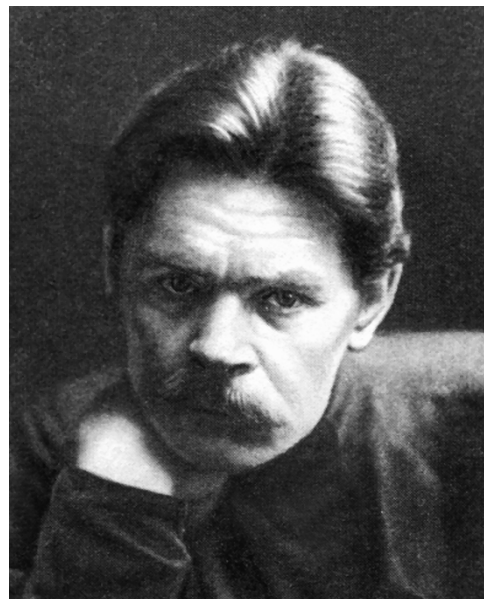
Личность и творчество Г. стали объектом постоянного интереса мировой читательской аудитории XX в., предметом «неомифотворчества».

Ранние детские годы Г., вопреки апокрифическим сказаниям о «босяческом» происхождении писателя, прошли в среде, далеко отстоящей от «дна» тогдашнего российского общества, впоследствии столь красочно описанного Г. Отец Г., Максим Савватеевич Пешков, был ярким, одаренным человеком; сын разжалованного за жестокое обращение с нижними чинами офицера, бежавший из дома и поступивший учеником к драпировщику, он к 30 годам становится управляющим астраханской конторой пароходства И. Колчина. Мать Г., Варвара Васильевна, урожденная Каширина, была дочерью нижегородско-

го купца В. В. Каширина, старшины городского красильного цеха, неоднократно избиравшегося депутатом Нижегородской думы. Несмотря на то что родители Г. обвенчались вопреки желанию отца невесты, «увозом», конфликт между семьями вскоре был благополучно разрешен.

Безвременная смерть отца, скончавшегося от холеры (он заразился ею, выхаживая заболевшего сына) летом 1871, открывает ряд трагических событий, связанных с детскими и отроческими годами будущего писателя. Помимо прочего, смерть отца стала причиной отчуждения матери от маленького сына, которого она считала невольным виновником ее неудавшейся жизни (об этом сам Г. писал в автобиографических заметках, носящих характерное название: **«Изложение фактов и дум, от взаимодействия которых отсохли лучшие куски моего сердца»** (1893)). С 4 лет Г. воспитывался в семье деда; мать вскоре после переезда в Нижний Новгород вторично вышла замуж за Е. В. Максимова, обедневшего дворянина, моложе ее, человека слабыхарактерного и бесталанного; брак был крайне неудачен, и в 1879, 35 лет от роду, мать Г. скончалась от скоротечной чахотки.

Дед Г., Василий Васильевич Каширин, несмотря на то что его необузданный, деспотический характер служил постоянным источником семейных ссор и неурядиц, тяжело отразившихся на внуке, по-своему любил его

М. Горький

и стремился обеспечить его будущее. С 6 лет Г. учил с дедом церковно-славянскую грамоту, затем — гражданскую. В 1877 Г. поступил в Нижегородское Кунавинское училище, где проучился до 1879, получив при переходе в 3-й класс похвальную грамоту за «отличные перед прочими успехи в науках и благонравие» (хранится в музее М. Горького в Нижнем Новгороде). Однако бесконечные неудачи, преследовавшие семью Кашириных с начала 1870-х (раздел имущества между стариками Кашириными и их сыновьями, приведший к краху предприятия, неудачные финансовые операции деда), стали в конце концов причиной полного разорения, которое дед перенести не смог: растеряв все, что было у него, впавший в совершенную нищету, В. В. Каширин заболел душевной болезнью. С 1879 Г., 11 лет от роду, вынужден был оставить за недостатком средств училище и пойти обучаться ремеслу, «в люди». Тем не менее, говоря о детских годах будущего писателя, нельзя не видеть, что формирование его происходило в условиях, более сопоставимых с условиями воспитания выходца из среды купечества, нежели «самородка», явившегося силою своего природного таланта из действительных «низов» общества. Это необходимо учитывать, тем более что в дальнейшем, встречаясь, волею случая, с самыми разными людьми, в т. ч. с представителями пресловутого «дна», «золоторотцами», ставшими персонажами его ранних произведений, Г. очевидно дистанцировался, отстранялся от подобной среды, находя в себе возможность созерцать ее со стороны, взглядом наблюдателя-аналитика. Рассказчик Максим Савватеев, выступающий в большинстве рассказов «босяцкого цикла» («**Коновалов**», «**Супруги Орловы**», «**Мой спутник**» и др.), названный так, конечно, в память об отце, оказывается очевидно-отчужденным свидетелем проходящих перед его глазами сцен «экзотической» для интеллигентного человека жизни ночлежек, притонов, промыслов и т. п. Попытки отождествления Г. с его героями-«босьяками», бытовавшие в читательской (а подчас и в критической и науч.) среде, порождены не столько произведениями Г., сколько стремлением создать мелодраматическую легенду, своего рода социальную «формулу» века — о «пролетарии», достигшем вершин писательской популярности и славы.

За 5 лет (1879–84) юный Г. меняет несколько мест «ученичества» — в обувной лавке, чертежной и иконописной мастерских, на паровой кухне и пр. Большое влияние на Г., как позже укажет он в «**Автобиогра-**

фии», оказала встреча с поваром парохода «Добрый» М. А. Смуром, одержимым страстью к собиранию книг. «У Смурога был целый сундук, наполненный преимущественно маленькими томками в кожаных переплетах,— вспоминал Г.,— и это была самая странная библиотека в мире. Эккартсгаузен лежал рядом с Некрасовым, Анна Радклиф — с томом „Современника“, тут же была „Искра“ за 1864 год, „Камень веры“ и книжки на малорусском языке» (Автобиография, 1897). Совместное чтение этой «самой странной в мире библиотеки» (собираатель которой, как ни удивительно, был малограмотен) выработало у Г. привычку к систематическому самообразованию; впоследствии целый ряд мемуаристов единодушно отмечали огромную начитанность Г. в самых разных областях человеческого знания, совершенное знакомство писателя как с русской, так и с зарубежной словесностью. С др. стороны, знакомство с книгами духовного и мистического содержания, находившимися в библиотеке Смурога, повлияло на формирование мировоззрения Г. Прежде всего, нужно указать на связь антропоцентрических мотивов в произведениях Г. с антропософией франкмасонов (свидетельство мемуариста о больших познаниях Г. в этой области уже в 1889 находим, например, в кн.: Георгиевичи. М. Горький: Его значение в русской жизни и литературе. Одесса, 1903).

Летом 1884 16-летний Г. едет в Казань в надежде поступить в ун-т. Однако за недостатком средств он ограничивается активным общением со студентами, посещениями кружков самообразования, сходов и т. п., зарабатывая в то же время себе на жизнь поденной работой — чернорабочим, грузчиком, пекарем. Неустроенность в быту, личные неурядицы (в т. ч. неудавшийся любовный роман) приводят Г. к душевному кризису, завершившемуся попыткой самоубийства (дек. 1887). С лета 1888 по окт. 1892 происходят знаменитые впоследствии странствия Г. «по Руси». За 4 года Г. исходил всю Южную Россию — от Астрахани до Москвы, побывал в Южной Бессарабии, в Крыму и на Кавказе. Он батрачил в деревнях, работал на рыбных и соляных промыслах, был мойщиком посуды, служил железнодорожным сторожем и работником ремонтных мастерских. Однако кочевой образ жизни не препятствовал окончательному становлению интереса Г. к творчеству, общественно-политическим и философским проблемам. В эти годы Г. приобретает немало знакомств в среде творческой интеллигенции, переживает увлечение

народничеством, толстовством и социал-демократическими учениями, пишет стихи и прозу. В сент. 1892 в газ. «Кавказ» (Тифлис) появляется его рассказ **«Макар Чудра»**, подписанный псевдонимом М. Горький.

Своим «литературным крестным» Г. считал В. Г. Короленко, с которым познакомился в 1890. При содействии Короленко Г. публикует в 1893–94 ряд своих произведений в приволжских газ., а в 1895–96 становится постоянным сотрудником «Самарской газ.», где выступает в качестве фельетониста (около 200 фельетонов за подписью Иегудиил Хламида), очеркиста, рецензента, автора рассказов (**«Песня о Соколене»**, **«На полях»**, **«Старуха Изергиль»**, **«Однажды осенью»** и др.). Тогда же Г. знакомится с корректором «Самарской газ.» Екатериной Павловной Волжиной (1878–1965), которая в 1896 становится его женой. В 1896–97 Г. продолжает журналистскую деятельность в газ. «Нижегородский листок», однако из-за резкого ухудшения здоровья (обострение туберкулеза легких) в 1897 переезжает с женой на юг, в Крым, а затем — в с. Максатиха Полтавской губ. Летом у Г. рождается сын Максим (1897–1934). С начала 1898 Г. вновь возвращается в Нижний Новгород, где работает над составлением 2-томного сб. **«Очерки и рассказы»**.

Хотя к моменту выхода этого сб. (изд. С. П. Дороватовского и А. П. Чарушникова, СПб., 1898. Март–апр.) произведения Г. уже неоднократно появлялись в столичной печати (в 1895 в ж. «Русское богатство» — рассказ **«Челкаш»**, в 1897 — рассказы **«Мальва»** в «Северном вестнике» и «Супруги Орловы» в «Русской мысли», успех «Очерков и рассказов» превзошел все мыслимые ожидания. Огромные по тем временам тиражи (на следующий год потребовалось новое издание, включившее 3-й том), обширнейшая критика, ожесточенные дискуссии, выходящие далеко за границы собственно лит. споров, в одночасье сделали из дебютанта одного из самых популярных и влиятельных писателей России. Критики единодушно оценивали появление «Очерков и рассказов» как значительное событие в общественно-культурной жизни русского общества, момент его духовного самоопределения. Особое место в дискуссии, развернувшейся вокруг произведений Г., заняли интерпретации «босяческой» тематики, играющей значительную роль в «Очерках и рассказах». Целый ряд авторов (Н. К. Михайловский, М. Гельрот, Н. Я. Стечкин, М. О. Меньшиков и др.) указывали на несомненную близость худож. мира Г. к утопии

«сверхчеловека» Ф. Ницше (с идеями Ницше Г. познакомился на рубеже 1880–90-х). Как своеобразную версию «ницшеанства» оценили современники отчетливо выраженное в раннем творчестве Г. тяготение к «эстетическому» началу жизни, к «внешней», физической красоте, не подпадающей под оценочные этические категории «добра» и «зла». Это дало повод критикам, близким к символизму (Аким Волынский), рассматривать творчество Г. как явление родственного символизму характера. К этому же подвигала и проповедь «увлекающей лжи» в пику «необходимой правде», легшая в основу эстетической концепции раннего Г. (в программных рассказах **«О Чиже, который лгал, и о Дятле — любителе истины»**, **«Читатель»**). С др. стороны, критики отмечали и присутствие в горьковских рассказах традиционной для реалистической традиции 1860–70-х «альтруистической» тематики, понятой, однако, Г. в «декадентском» духе — как способ эстетического самовыражения его героев, жаждущих «подвига» («Старуха Изергиль», «Супруги Орловы», «Челкаш»). В общем, спор о творчестве Г. в 1898–1901 превратился в спор о духовной состоятельности русской интеллигенции «конца века», охваченной «декадентским» — ревизионистским и революционным — стремлением к тотальной «переоценке всех ценностей», интеллигенции, чей образ был опознан современниками в горьковских «босях», людях «вне общества». «Все они недовольны порядком вещей... — писал М. О. Меньшиков. — Все они скептики и материалисты, свободные мыслители, отрицающие культурные предрассудки... Что же такое г. Горький? Это перебежавшая яркая искра между двумя интеллигенциями, верхней и нижней, — соединяющая их в грозное „безумство храбрых“» (Книжки «Недели». 1900. № 10).

Необходимо, впрочем, заметить, что, увлеченные поиском «ницшеанских» и «декадентских» истоков раннего горьковского творчества, критики-современники не сумели в полной мере оценить трагизм худож. мировоззрения автора «Очерков и рассказов», порожденный неразрешимым конфликтом «злой красоты» и «некрасивого добра» в его худож. мире. Так, специфическая ирония раннего Г., «черный юмор» таких произведений, как «Однажды осенью», «Челкаш», «Супруги Орловы», «Мальва» и мн. др., — результат эстетического осмысления дисгармонии «красоты» и «истины» в «босяческом» бытии.

В 1899–1906 Г. становится ведущей фигурой в общественно-культурной жизни Рос-

сии. Он поддерживает тесные дружеские отношения с А. П. Чеховым, И. Е. Репиным, Ф. И. Шаляпиным, знакомится с Л. Н. Толстым, А. Ф. Кони, Н. К. Михайловским, Д. С. Мережковским, Н. Ф. Анненским, М. И. Туган-Барановским и др. виднейшими представителями творческой и науч. интеллигенции. Вокруг Г. образуется сплоченная группа писателей-«неореалистов» (Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, Е. Н. Чириков, А. И. Куприн, В. В. Вересаев и др.), которых Г. привлекает к своим лит.-общественным начинаниям. С осени 1898 Г. становится идейным руководителем ж. «Жизнь», а с сент. 1900 — издательского товарищества «Знание». Последнее в 1904–13 выпускает (при непосредственном руководстве Г.) 40 сб. новейшей русской неореалистической лит-ры, которые стали эпохой в становлении русского искусства XX в. 25 февр. 1902 Г. избирается почетным академиком по разряду изящной словесности; аннулирование результатов выборов под нажимом властей спровоцировало ответные демонстративные акции со стороны Короленко и Чехова, отказавшихся в знак протеста от званий почетных академиков.

С 1902 по 1905 Г. становится постоянным автором МХТ; триумфальная премьера пьесы Г. **«На дне»** (18 дек. 1902) стала, наряду с триумфом чеховской «Чайки», вехой в истории театра. Огромную роль в жизни Г. сыграло и знакомство в 1900 с М. Ф. Андреевой (настоящая фамилия Желябужская, урожденная Юрковская, 1872–1953), которая после разрыва с Г. с Е. П. Пешковой в 1903 (в 1904 Г. окончательно покидает Нижний Новгород) стала гражданской женой писателя. Одна из самых красивых актрис МХТ, обладавшая незаурядным артистическим дарованием, М. Ф. Андреева была в то же время убежденной марксисткой, тесно связанной с РСДРП (в 1904 она вступила в партию, ранее — с 1897 — участвовала в деятельности марксистских кружков).

Чрезвычайно бурной была в эти годы общественно-политическая жизнь Г. Ранее, в 1889 и 1898, имевший эпизодические столкновения с полицией, подвергавшийся арестам и успешный уже заработавший репутацию «неблагонадежного», Г. в 1901–05 вступает в открытую конфронтацию с властями. Весной 1901 Г. принимает непосредственное участие в студенческих волнениях в Петербурге, за что 17 апр. 1901 в третий раз заключается под стражу (сразу по приезде в Нижний Новгород). **«Песня о Буревестнике»** (1901), появившаяся в апрельском номере «Жизни», была расценена как противо-

правительственная пропаганда, призыв к насильственному свержению существующего строя; журнал вскоре был закрыт. Г. после месячного заключения в нижегородской тюрьме был переведен под домашний арест, а затем выслан в Арзамас под надзор полиции (ввиду резко ухудшившегося здоровья, зиму 1901/02 ему было разрешено провести в Крыму). В 1902–04 Г. содействует сбору средств для большевистской печати (особую роль сыграл в этом С. Т. Морозов — московский промышленник, меценат, близкий друг Г. и поклонник М. Ф. Андреевой). Г. оказывается непосредственно вовлечен и в события 8–9 янв. 1905: в ночь на 9 янв. он вместе с группой интеллигентов (среди которых — Н. Ф. Анненский, И. В. Гессен, Н. И. Кареев и др.) посетил С. Ю. Витте и добивался аудиенции у министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского, пытаясь предотвратить готовящееся кровопролитие. Г. участвовал в шествии рабочих, позже выступал с антиправительственными речами и написал воззвание «Ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств»; на квартире Г. вечером 9 янв. скрывался Г. А. Гапон. 11 янв. 1905 Г., приехавший в Ригу к заболевшей М. Ф. Андреевой, был арестован и препровожден вновь в Петербург, где заключен в тюрьму Трубецкого бастиона Петропавловской крепости — как особо опасный политический преступник: ему инкриминировалось участие в подготовке гос. переворота. За месяц, проведенный в крепости (14 февр. Г. освобождают под залог), им была написана пьеса **«Дети солнца»**. Весь 1905 Г. активно сотрудничает с революционным подпольем; осенью публикует ряд публицистических материалов в пробольшевистской газ. «Новая жизнь» (которую начала издавать М. Ф. Андреева). В канун московского восстания Г. вступает в РСДРП и принимает непосредственное участие в подготовке вооруженного выступления. После подавления декабрьского восстания в Москве, ввиду нового неизбежного ареста, Г. и М. Ф. Андреева уезжают из России.

Произведения Г. этих лет — романы **«Фома Гордеев»** (1899) и **«Трое»** (1900), пьесы **«Мещане»** (1902), **«На дне»** (1903), **«Дачники»** (1904), **«Дети солнца»** (1905), **«Варвары»** (1906) — знаменуют наступление нового этапа в горьковском творчестве, связанном прежде всего с антропоцентрической проповедью Г. (программным произведением этого периода становится поэма **«Человек»**, 1903). Антропоцентризм Г. органически связан с культом «необыкновенного че-

ловека» в его раннем творчестве. Однако теперь личностное утверждение горьковских героев непосредственно связано с их культурно-созидательной деятельностью, рассматриваемой как экзистенциальный конфликт человека — носителя гармонии с «хаотической» средой, окружающей его. Исходя из подобного представления о миссии человека, Г. на рубеже веков переосмысливает традиции реалистического романа в модернистском духе, отрицая «типическое» и сосредоточивая внимание на героях, не подпадающих под действующие нормы социального общежития. Личность, этически и эстетически не удовлетворяющую «косностью» жизни, Г. принимает за «творческую натуру» (Фома Гордеев, Лунев). Идея о «космократической» миссии человека оказывается тематической основой в философской драме «На дне»; здесь прежняя «босячская» образная экзотика превращается в общечеловеческую символику, которая знаменует неумолимое восхождение от «хаоса» к «гармонии» бытия (так, герои пьесы — странник Лука и босяк Сатин волею автора прямо повторяют положения поэмы «Человек»). Необходимо заметить, что в подобном же «космократическом» духе Г. истолковывалась в этот период творчества и деятельность революционеров (в частности — большевиков), ратующих за «переустройство общества» на основах «общечеловеческой гармонии».

Антропоцентрическая проповедь Г. была неоднозначно оценена современниками. Так, Д. В. Философов откликнулся на произведение Г. 1901–06 рядом отрицательных критических работ, констатирующих «конец Горького» (название одной из статей); по мнению критика, Г.-художник оказался в роковом подчинении у Г.-проповедника, не обладающего ни достаточным знанием предмета, ни искренностью убеждения. В подобном же духе высказывались и З. Н. Гиппиус, и А. А. Блок, и К. И. Чуковский. Попытки «защитить» Г., предпринимаемые публицистами социал-демократической ориентации, оказывались малоуспешными ввиду их очевидной тенденциозности. Однако как предмет полемики эти произведения до сих пор оказываются притягательными для критиков и читателей; в частности, пьеса «На дне» органично входит в мировой театральный репертуар.

В годы первой эмиграции (1906–13) Г., пробыв около полугода в Америке (куда он прибыл вместе с М. Ф. Андреевой для сбора денег для РСДРП и проведения политических акций, направленных на свержение императорского правительства), остановился на Ка-

при (Италия). Дом Г. становится местом паломничества русских политэмигрантов; в апр.–мае 1907 Г. присутствует в Лондоне на V съезде РСДРП в качестве делегата с совещательным голосом, где активно общается с В. И. Ульяновым (Лениным) (впоследствии об этой встрече Г. подробно расскажет в хронологическом очерке «**В. И. Ленин**», 1924). Однако в эти годы в центре внимания Г. оказываются не столько ортодоксальные марксисты-ленинцы, сколько марксисты-«богостроители» (А. А. Богданов (Малиновский), А. В. Луначарский, В. А. Базаров и др.), пытавшиеся интерпретировать деятельность партии как некоей «новой церкви», несущей миру «новую религию» (марксизм), содержащую откровение о «реальном боге» — пролетарском коллективе, который обладает силой и волей к тотальному культурному преобразованию мироздания. Идеи Богданова применительно к лит. творчеству и к истории мировой культуры Г. развивал в лекциях, которые он читал в созданной им на Капри (вместе с Богдановым и Луначарским) партийной школе для российских рабочих.

В 1909, после разрушительного землетрясения в Калабрии и Сицилии, Г. развернул активную деятельность по сбору средств пострадавшим, чем снискал горячие симпатии итальянцев. В эти годы он много путешествовал по Италии, изучая ее быт и культуру; результатом явился цикл очерков «**Итальянские сказки**» (1912). В 1913, после объявления русским правительством всеобщей политической амнистии (в связи с 300-летием дома Романовых), Г. возвращается в Петербург.

Годы первой эмиграции в творческой биографии Г. необыкновенно плодотворны. Помимо обширнейшей худож. публицистики, среди которой нужно особо отметить цикл памфлетов «**Мои интервью**» и «**Русские сказки**» (1906 и 1912) и программную статью «**Разрушение личности**» (1909), Г. были созданы повести «**Мать**» (1906), «**Исповедь**», «**Жизнь ненужного человека**» (обе — 1908), «**Лето**» (1909), «**Городок Окуров**» (1910), «**Жизнь Матвея Кожемякина**» (1910), автобиографическая повесть «**Детство**» (1912–13), пьеса «**Враги**» (1906), рассказы, которые позже войдут в цикл «**По Руси**» (1923). Огромное влияние на худ. мирозерцание Г. этого периода имеют идеи «богостроительства», определяющие специфику горьковского историзма. Революция 1905–07 (главная тема большинства повестей Г.) превращается под его пером в акт становления нового религиозного сознания, оформляемого деятельно-

тью подвижников-революционеров в «новую церковь», призванную сменить церковь «старую» (см.: Львов-Рогачевский В. На пути в Эммаус // Образование. 1907. № 11). Тема «поиска Бога» становится ведущей и в «Детстве», что было отмечено Д. С. Мережковским, восторженно приветствовавшим приход Г. к «богоискательству», которое, по мнению Мережковского, было духовным долгом совр. творческой интеллигенции (Не святая Русь // Русское слово. 1916. № 210).

Другой темой, также тесно связанной с «богостроительским» учением о коллективе и личности, является проблема «национального характера», особенно ярко заявленная в произведениях «окуровского цикла» («Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина»), причем здесь Г. неожиданно соприкасается с тезисом о метафизической «широте» человеческого существа, выдвинутым еще Ф. М. Достоевским. Для Г. «диалектика души» (за идеалом мадонны) скрывается «идеал содомский») раскрывается через метаморфозы политических, культурных, бытовых аспектов жизни его героев. Позже, в статье «Две души» (1915), Г. объяснял общественно- и культурно-личностную «неустойчивость» русского человека «двойственностью» его природы, равной обращенностью национального типа как к Западу, так и к Востоку (эта двойственность казалась Г. пороком национального характера).

В 1913–21 Г. становится активным участником общественной и культурной жизни России: в эти годы собственно худож. творчество отходит в его жизни на второй план, уступая место разнообразнейшим начинаниям в сфере издательской деятельности. В 1915 он вместе с И. П. Ладыжниковым и А. Н. Тихоновым организует изд-во «Парус» и издает ж. «Летопись», в апр. 1917 основывает газ. «Новая жизнь»; Г. выступает инициатором издания разнообразных тематических сб., привлекает к работе в своих издательских начинаниях молодых писателей. Активная политическая позиция, которую занимает Г. в годы войны и революции, определяет главенствующее место публицистики среди его произведений этих лет. Особо следует отметить цикл очерков, посвященных событиям 1917–18, которые публиковались в «Новой жизни», а после были изданы под общим заглавием «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре» (Пг., 1918). Оценивая захват власти большевиками в окт. 1917 резко негативно, считая это проявлением политического авантюризма, Г. рисует потрясающие картины одичания нра-

вов в охваченном революционным террором Петрограде (газ. Г. была закрыта в 1918 как «контрреволюционная»).

Отношение Г. к деятельности большевиков в эпоху «военного коммунизма» (1918–21) объясняется горьковским пониманием революции как воплощения торжества творческой воли человека в истории, процесса максимальной интенсификации культурного строительства. Отсюда следует, с одной стороны, поддержка Г. любых созидательных начинаний новой власти, прежде всего — в гуманитарной сфере. Среди крупнейших начинаний этого рода, непосредственно связанных с деятельностью Г., — организация изд-ва «Всемирная лит-ра» (в авг. 1918), объединившего лучшие лит. и науч. силы России, создание многочисленных структур, занимающихся охраной памятников, культурно-просветительской деятельностью, социальной помощью работникам культуры и искусства (по личной инициативе Г. была создана Комиссия по улучшению быта ученых — КУБУ) и т. п. С др. стороны, по мере развития событий Г., находя, что «разрушительное» начало революции радикально преобладает над созидательным, что русская революция, вопреки его ожиданиям, являясь непосредственной причиной гибели культурного наследия предыдущей эпохи, мало чем компенсирует эти потери, резко расходился с большевиками в принципиальных, стратегических вопросах построения новой общественности (так, еще в 1917, считая захват власти в окт. 1917 политической авантюрой Ленина, Г. не прошел перерегистрации, обязательной для членов РСДРП, и фактически оказался вышедшим из рядов партии). Г. полагал, что преждевременная попытка революционного преобразования России разбудила не «творческий», а «хаотически разрушительный», анархический дух русского народа, свойственный, по мнению Г., прежде всего крестьянству, — отсюда чрезвычайно резкая оценка «мужика» как исторической силы в брошюре «О русском крестьянстве» (1922). Скепсис Г. по поводу перспектив «строительства социализма и коммунизма» в России углублялся растущей волной «красного террора». 16 окт. 1921 Г. уезжает из РСФСР. Хотя формальным поводом для отъезда стала резко прогрессирующая болезнь Г., для многих — как в Советской России, так и в Русском зарубежье — Г. представлялся политическим эмигрантом. Так, по мнению В. Ф. Ходасевича, близкого знакомого Г. в эти годы, отъезд Г. был непосредственно связан с враждебным отношением к нему лиц, входящих в высшие

ешелоны тогдашней власти, прежде всего — Г. Е. Зиновьева и его окружения (против Зиновьева была направлена драматическая сатира Г. **«Работяга Словотеков»**, поставленная в петроградском Театре народной комедии С. Э. Радлова летом 1920 и тогда же запрещенная «прототипом» главного героя).

За границей Г. до 1924 жил в Германии и Чехословакии. Его позиция — как по отношению к Советской России, так и по отношению к эмиграции — была двойственно-неопределенная. С одной стороны, неоднократно подвергая действия советской власти (особенно направленные против свободы слова и инакомыслия) жесткой и нелюбезной критике, он находил сочувствие в рядах творческой интеллигенции Русского зарубежья, с другой — очевидно дистанцировался от нее, демонстрируя свою приверженность к идее социалистического преобразования жизни и в общем лояльность к РСФСР (а затем — к СССР). В 1923–25 Г. совместно с Ходасевичем издает в берлинском изд-ве С. Г. Сумского ж. **«Беседа»**, предназначенный, по идее Г., прежде всего для советского читателя и призванный сыграть культурно-просветительскую роль на советском книжном рынке, познакомить советского читателя с науч.-лит. жизнью Европы (в т. ч. эмигрантской). Однако, несмотря на настойчивые требования Г., журнал в Россию советскими властями допущен не был. Раздражение со стороны Москвы вызывали и выступления Г. в защиту советских политзаключенных. Тем не менее Г. поддерживал широкие связи как с советской творческой интеллигенцией, так и с некоторыми видными деятелями советской администрации. Вилла Г. в Сорренто (Италия), которую он снимал с весны 1924, стала местом паломничества советских деятелей культуры, выезжавших в заграничные командировки. Во второй половине 1920-х в СССР с подачи властей разворачивается кампания за возвращение Г.

В творчестве Г. этих бурных лет ведущим жанром становится худож. мемуаристика. Вслед за **«Детством»** появляется автобиографическая повесть **«В людях»** (1916), а затем повесть **«Мои университеты»** (1923), к которой в первом издании были присоединены мемуарные очерки **«Сторож»**, **«Время Короленко»**, **«В. Г. Короленко»**, **«О вреде философии»**, **«О первой любви»** (тематически сюда же относится и созданная ранее повесть **«Хозяин»**, 1913). В этот же период Г. создаются и «лит. портреты» — воспоминания о Л. Н. Толстом, Л. Н. Андрееве, А. П. Чехове, Н. Г. Гарине-

Михайловском и др. Блестящие по стилю, мемуаристические произведения Г. оказываются, помимо прочего, попыткой реконструкции писателем своего духовного пути, показывающей органическую неизбежность возникновения его нынешних духовных ценностей, что, если учитывать неоднозначность роли Г. в общественной и культурной жизни России в эпоху войны и революции, было насущно необходимо. Мемуаристика Г. стала объяснением писателя с его читателями — как с «той», так и с «другой» стороны расколото-го кризисом российского общества.

В 1920-е Г. создает рассказы и роман **«Дело Артамоновых»** (1925), выдержанный в традиции европейского романа — «семейной хроники». С 1925 Г. начинает работу над грандиозной исторической эпопеей **«Жизнь Клима Самгина»** (первоначальное название — **«Сорок лет»**), которая, по замыслу Г., должна была стать летописью переломной эпохи в истории России и русской интеллигенции. Работа над эпопеей продолжалась до смерти Г.; замысел остался до конца не осуществленным.

«Жизнь Клима Самгина», с одной стороны, продолжает традиции романа-эпопеи, заложенные в отечественной словесности Л. Н. Толстым. Как и в **«Войне и мире»**, в романе Г. особым самостоятельным «героем» выступает история, «осуществляющаяся» через сотни действующих лиц, воссозданных Г. с невероятной изобразительной силой. Однако, с др. стороны, худож. историософия Г. находится в очевидном противоречии с толстовской идеей «роевой жизни»: по Г., историческое действие изначально «внечеловечно» и потому никак не может быть гуманистически «оправдано». Герои Г. (прежде всего главный герой) оказываются вовлеченными в исторический процесс, действующий абсолютно разрушительно как на их личностные качества, так и на их мирозерцание. Характерно, что самыми бледными и неубедительными фигурами в эпопее оказываются образы революционеров-марксистов (Кутузов и др.), стремящихся рационалистически оправдать историческое бытие; личностные симпатии автора вступили здесь в явное противоречие с общим беспросто-трагическим тоном романа. Мн. эпические сцены романа (описание расстрела 9 янв., декабрьское восстание в Москве) следует отнести к высшим достижениям мировой худож. прозы.

В мае 1928 Г. возвращается в СССР и все лето путешествует по стране (Курск, Харьков, Днепропетровск, Запорожье, Крым, Ростов-на-Дону, Баку, Тифлис, Кожори, Ереван, Влади-

кавказ, Сталинград, Самара, Казань, Нижний Новгород). Огромное впечатление — насколько можно судить по очеркам об этой поездке, собранным в книгу **«По Союзу Советов»** (1929), — произвел на Г. сам факт образования в России некоей новой культуры: так давно ожидаемый им результат революции, искупивший в глазах Г. ее разрушительное действие. С этого момента Г. всецело захвачен идеей активного содействия «культурному строительству» в СССР. В 1929 он вновь посещает страну, а с 1931 избирает Москву местом постоянного жительства. Огромные привилегии и почести, оказываемые ему властями (выделение знаменитого особняка Рябушинского в Москве, дач в Крыму (Тессели) и под Москвой (Горки), специального вагона для поездок в Италию и Крым зимой, многочисленные переименования улиц и городов (в т. ч. переименование Нижнего Новгорода) и даже открытие в его честь Лит. ин-та (1 дек. 1933 «в ознаменование 40-летия лит. деятельности!»), Г. воспринимает с некоторым недоумением, однако старается их оправдать огромным культурно-просветительским трудом: по его инициативе организуются ж. «Наши достижения» (1929–36) и «Лит. учеба» (1930–41), изд. «История фабрик и заводов», выпустившее в 1931–33 около 250 книг различного характера, изд. «История Гражданской войны», выпускается лит.-худож. альм., создается знаменитая серия «Б-ка поэта» и т. д.

Об этом — последнем — периоде жизни Г. судить достаточно сложно, ибо значительное количество материалов, касающихся обстоятельств деятельности Г. в СССР в 1931–36, до сих пор не опубликовано. Несомненной представляется лояльность писателя курсу, проводимому властями, в общем об этом свидетельствуют его многочисленные публицистические выступления, очевидная тенденциозность произведений этой эпохи горьковского творчества (пьесы **«Достигаев и другие»**, **«Сомов и другие»**, **«Рассказы о героях»**). Г. сыграл ключевую роль в образовании Союза советских писателей, являвшийся организатором и председателем I Всесоюзного съезда советских писателей (1934). Однако истинную позицию Г. в грандиозной политической игре этих лет мы до сих пор представить себе не можем, довольствуясь бесчисленными апокрифами и косвенными свидетельствами. Известно, однако, что последние годы жизни Г. находился под жесткой «опекой» ГПУ, возглавляемого Г. Г. Ягодой, стремившимся по возможности изолировать Г. от советской и мировой общественности (се-

кретарь Г. П. П. Крючков, по мнению некоторых мемуаристов, играл в этом значительную роль). Загадочен и конец Г.: скончавшийся 18 июля 1936, писатель был вскоре объявлен жертвой «троцкистско-бухаринского» заговора. Сейчас версия об убийстве Г. (и об убийстве его сына Максима в мае 1934) остается предметом дискуссии.

Подлинное, лишенное «белых пятен» и сиюминутной политической пристрастности жизнеописание Горького — впереди.

Соч.: ПСС. Худож. произведения. М., 1968–76. Т. 1–25; Варианты к худож. произведениям. М., 1974–82. Т. 1–10; Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М., 1957. ЛН. Т. 70; Горький и Л. Андреев: Неизданная переписка. М., 1957. ЛН. Т. 72; М. Горький и А. П. Чехов. М., 1951; А. М. Горький и В. Г. Короленко. М., 1957.

Лит.: Андреева М. Ф. Переписка, воспоминания, статьи, документы. М., 1968; Максим Горький в воспоминаниях современников. М., 1981. Т. 1–2. (Серия лит. мемуаров); Летопись жизни и творчества Горького. М., 1958–60. Т. 1–4; Десницкий В. А. М. Горький: Очерки жизни и творчества. М., 1959; Груздев И. Горький и его время. 1868–1896. М., 1962; Фарбер Л. Горький в Нижнем Новгороде. 1889–1904. Горький, 1968; Муратова К. Д. Горький на Капри. 1911–1913. Л., 1971; Гречнев В. Горький в Петербурге — Ленинграде. Л., 1968; Диксанов Н. К. Горький-поэт. Л., 1940; О худож. мастерстве Горького: сб. статей. М., 1960; Овчаренко А. Публицистика Горького. М., 1965; Эвентов И. Сила сарказма: Сатира и юмор в творчестве Горького. Л., 1973; Голубева О. Л. Горький-издатель. М., 1968; Гиголов Г. Драматургия Горького 1902–1906 гг. в совр. ей критике и публицистике. Тбилиси, 1975; Спиридонова Л. М. Горький: Диалог с историей. М., 1994; М. Горький и его эпоха: Исследования и материалы. Вып. 1–4. М., 1989–95; Баранов В. Горький без грима. Тайна смерти: роман-исследование. М., 1996; Максим Горький: Pro et contra. СПб., 1997. (Русский путь); М. Горький на пороге XXI столетия // Горьковские чтения 1998: в 2 т. Н. Новгород, 2000.

Ю. В. Зобнин

ГОРЯНСКИЙ Валентин (настоящее имя Валентин Иванович Иванов) [24.3(5.4).1888 (по др. сведениям — 26.7.1887 и 1886), Луга — 4.6.1949, Париж] — поэт, прозаик, драматург.

Незаконнорожденный. Мать — вологодская мещанка А. А. Александрова. Восприемником был дальний родственник матери беллетрист И. Л. Леонтьев-Щеглов (вероятно, отчество и фамилия Г. происходят от его имени). До поступления в 2-ю петербургскую гимназию (авг. 1901) обучался дома; выбыл из гимназии (дек. 1902) за «неуспеш-